

Фёдор Буслаев

**О влиянии христианства на
славянский язык**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б92

Б92 **Буслаев Ф.И.**
О влиянии христианства на славянский язык / Фёдор Буслаев – М.: Книга
по Требованию, 2020. – 211 с.

ISBN 978-5-518-09365-2

ISBN 978-5-518-09365-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ограниченное только древнѣйшимъ текстомъ славянскаго Евангелія, предлагаемое публикѣ сочиненіе не имѣетъ притязанія на окончательное рѣшеніе самаго важнаго въ исторіи славянскаго языка вопроса.

Палеографическая и собственно грамматическая части Остромирова текста должны были остаться внѣ предѣловъ сочиненія, по самой сущности его предмета, определяемаго исключительно корнесловомъ и изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ приставокъ и образующихъ окончаній. Вліяніе греческаго словосочиненія на славянское есть уже не прямое вліяніе Христіанства на языкъ, и можетъ быть опредѣлено только сличеніемъ Остромирова текста со всѣми древнѣйшими переводами и сочиненіями оригинальнымъ.

Въ самомъ лексикологическомъ запасѣ славянскаго Евангелія многое остается не рѣшеннымъ до тѣхъ

поръ , пока не приведется въ ясность корнесловъ прочихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Избравъ древнѣйшій текстъ славянскаго перевода Св. Писанія, авторъ имѣлъ въ виду первоначальный способъ начертанія словъ , дающій историческому изслѣдованію твердую опору.

Для того, чтобы опредѣлить степень вліянія Христіанства на славянскій языкъ слѣдовало сначала разсмотрѣть оный внѣ Христіанства , показавъ въ немъ слѣды язычества , и потомъ уже обозначить , что внесено въ него Христіанствомъ. Такимъ образомъ древнѣйшая исторія языка раздѣлилась на два періода: мифологическій и Христіанскій.

Ограниченный объемъ матеріала не позволялъ дать изслѣдованію надлежащей системы, недостатокъ которой старался авторъ восполнить единствомъ воззрѣнія.

ПЕРІОДЪ ИДЕОЛОГИЧЕСКІЙ.

По мѣрѣ развитія образованности и сближенія съ чуждыми народами, теряется сознательное употребленіе роднаго языка. Лѣтописцы, составители грамотъ и другіе старинные писатели были чувствительнѣе насъ къ значенію словъ, свободнѣе ими пользовались и были смѣлѣе въ словопроизводствѣ. Мы даемъ слову свое собственное значеніе, соответственное степени нашего умственного образованія: наши предки, еще не утративъ въ своемъ сознаніи первоначальнаго впечатлѣнія, словомъ выражаемаго, не могли на слово налагать чуждое ему значеніе, и примѣняли свою мысль къ основному корню слова, естественно развивая такимъ образомъ его смыслъ. Привычка обращаться только къ извѣстнымъ, литературою усвоеннымъ выраженіямъ, заключаетъ насъ со всемъ богатствомъ современнаго мышленія въ

тѣсномъ кругу , изъ котораго иногда извлекаеть только высокое дарованіе писателя, воспитаннаго возрѣніями и смысломъ роднаго языка : ибо языкъ пока живетъ въ народѣ, никогда не утратитъ своей животворной силы ; и всякое замѣчательное въ литературѣ явленіе есть какъ бы новая попытка творчества въ языкъ , есть возрожденіе той же самой силы, которая первоначально двинула языкъ къ образованію. Потому-то писатели классическіе бывають создателями новыхъ словъ и оборотовъ , которые однако всѣмъ понятны : они намъ нравятся не потому, что они новы, а потому что мы ради найти въ насъ самихъ, въ родномъ языкѣ, столь для насъ извѣстномъ — незамѣченное нами. Такимъ образомъ всякое гениальное нововведеніе въ языкъ скорѣе можно назвать находкою утраченнаго, нежели пріобрѣтеніемъ новаго: и наша радость въ этомъ случаѣ объясняется временнымъ пробужденіемъ въ насъ сознанія къ творческой силѣ нашего собственнаго слова.

Напрасно стали бы мы въ исторіи языка искать того древнѣйшаго періода , когда человекъ вполне сознавалъ свое слово: въ старину онъ только менѣе отдѣлялъ отъ него свою мысль. Потому слово, какъ вѣрное выраженіе преданій и обрядовъ , событій и предметовъ , понималось въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ , что выражаетъ : названіемъ запечатлѣвалось вѣрованіе или событіе , и изъ названія вновь возникали сказаніе или мнѣе ; изобразительнымъ воз-

зрѣніемъ слово живописало страсти и духовныя способности челоуѣка, и своей изобразительностью пораждало въру въ вещественное явленіе духовнаго. Затерянное въ отдаленныхъ вѣкахъ вѣрованіе удерживало свое бытіе въ сохранившемся названіи, намекавшемъ на утраченное. Простосердечное мышленіе не понимало въ языкъ суетной прикрасы, и изобразительность языка, въ древнѣйшемъ его періодѣ, казалась естественнымъ, прямымъ выраженіемъ мысли: ибо мысль не могла еще во всей отвлеченности отрѣшиться отъ тѣхъ жизненныхъ образовъ, отъ тѣхъ вѣрованій и наивныхъ убѣжденій, которыя собственно выражались словомъ. Этотъ древнѣйшій періодъ языка, по внутреннему значенію, можно назвать мнѣологическимъ, по способу же взрѣнія — эпическимъ. Не смотря на свободу, съ какой въ старину пользовались языкомъ, нельзя не замѣтить эпической обрядности въ повтореніи извѣстныхъ обычныхъ выраженій: сказанное однажды о какомъ либо предметѣ казалось столь удачнымъ, что уже не нужно было видоизмѣнять оное. Это свойство древнѣйшаго языка было существеннымъ основаніемъ, почему языкъ становился вѣрнымъ орудіемъ преданія. Каждое слово, возбуждая живое впечатленіе, имѣ выражаемое, останавливало на себѣ вниманіе; точно такъ, какъ эпическій поэтъ до малѣйшей подробности любитъ описывать каждый встрѣчающійся ему предметъ: и какъ свободная мысль эпическаго поэта какъ бы невольно увлекается созерцаніемъ разнообразія видимой природы; такъ и

языкъ сковывалъ развитіе мысли, поглощая ея отвлеченность изобразительнымъ впечатлѣніемъ, выражаемымъ въ словѣ.

Богатыя уподобленія и блестящія картины, столь свойственныя эпическому воодушевленію, живутъ той же творческой силой и въ древнѣйшемъ языкѣ, въ отдѣльныхъ реченіяхъ: и не удивляютъ говорящаго своей мѣткой изобразительностью, подобно тому какъ все истинно прекрасное въ природѣ чуждо изысканности, и пльняетъ другихъ, въ своей простотѣ не разумѣя само, какъ оно прекрасно. Наконецъ языкъ, въ древнѣйшемъ періодѣ своего образованія, уже и потому является неразлучнымъ спутникомъ народной эпической поэзіи, что вмѣстѣ съ ней является сокровищницею вѣрованій и преданій, имъ запечатлѣнныхъ въ памяти народа.

Въ эпическихъ формахъ, даже и досель удержанныхъ народною рѣчью, открываются слѣды глубокой древности. Слово, какъ звукъ, выражающій движенія потрясенной души, тронутой впечатлѣніемъ внешнимъ въ соприкосновеніи съ действительностью, означаетъ предметы по тѣмъ свойствамъ, какія ярче бросаются въ глаза и затрогиваютъ воображеніе. Ежедневное употребленіе въ послѣдствіи возводитъ впечатлѣніе до общаго понятія: но сила начального впечатлѣнія возникаетъ вновь и остается на память народу въ постоянномъ эпитетѣ, который какъ бы подновляетъ употребленіемъ сглаженную съ слова

краску, придавая ему свѣжесть перваго впечатлѣнія. Родство происхожденія постоянного эпитета и названія предмета убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ послѣдствіи изъ первоначальнаго впечатлѣнія и постоянного эпитета развивается цѣлое повѣріе. Для исторіи языка весьма важно обратить вниманіе на такой переходъ слова отъ значенія просто нагляднаго къ мифологическому, глубоко коренящемуся въ нравахъ и обычалхъ народа. Впечатлѣніе, производимое цвѣтомъ предмета, есть самое естественное: и эпитеты, означающіе сіянье, блескъ, стоятъ въ ближайшей связи съ поклоненіемъ огню и свѣту небесному. Преимущественно замѣчательны въ исторіи языка эпитеты сербской народной поэзіи, столь обильной эпическимъ воодушевленіемъ; начнемъ ими. Такъ золото называется сухое, серебро бѣлое: од суха злата, од сухога злата, од бијела сребра: говорится также и: чисто сребро, какъ у насъ.

Сухое золото. Сначала объяснимъ значеніе слова золото, въ О. Е. злато. Нашъ звукъ з соответствуетъ въ Санскритѣ звуку г, которьй, какъ и у Славянъ, переходитъ въ знд. з: скр. агам, знд. азѣм, азъ; скр. вагати, знд. вазанти, везеть; скр. гима, знд. зіао, зима; скр. гѣм (gò), знд. зѣо, зѣм, винит. занм, земля. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ г, измѣненный какъ у насъ, такъ и въ знд. въ з.—Касательно втораго звука, именно л, тоже должно замѣтить, что ему соответствуетъ р, и притомъ слово съ звукомъ р первобытнѣе: такъ знд.

гара (гор-ло) ближе къ основному корню, нежели скр. гала, ибо происходитъ отъ скр. grû (гл-отать), хотя есть и другой глаголь гал (тоже глотать), но уже образованный смягченіемъ перваго: у насъ и горло, жерло и глотка: равно какъ и въ лат. gula и gurges. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ р. вм. л. — Въ энд. зара ближайшая форма къ нашему зла-то, и какъ образуется это слово у насъ съ суф.-то, такъ въ энд. съ суф.-ня: зара-ня: слич. скр. гира-ня: а оба эти суф. равнозначительны, что видно изъ словъ: выщи-на и высо-та, глуби-на, и глубо-та, скр. джѣви-та живо-тъ и джѣв-ана, чеш. živ-ena. Можетъ быть злато въ его энд. формѣ: зара, въ славянскомъ языкѣ сроднилось съ словами: заря свѣтъ и зрѣти не только видѣть, но и свѣтитъ, откуда срб. зрак, зрака солнечный лучъ. Но въ отношеніи къ аналогіи съ другими языками весьма важно указать на древнѣйшую скр. форму: гаура flavus, съ звукомъ г, соответствующимъ нашему з: и какъ въ нѣм. нарѣчіяхъ мы замѣчаемъ слѣдующій переходъ понятій: gelb, срд. нѣм. gilwe (flavor), galle (bilis), гот. gulp, скан. gull золото: такъ и скр. гаура, лит. geltas, geltonas (flavus) переходитъ въ жолчь, въ О. Е. зльчь, зльчь (слѣд. желтый, чеш. žlutý = златый) и въ злато: сродство понятій о цвѣтѣ и золотѣ еще не утратилось во времена Нестора, сохранившись въ обычномъ эпическомъ выраженіи языческой клятвы: „да будемъ золоти яко золото“ Лавр. 31. Теперь обратимся къ срб. эпитету: сухо злато. Нынѣшнее зна-

ченіе словъ: сухой, сушить, никоимъ образомъ не объясняетъ этого эпитета. Золото по своему значенію предполагаетъ при себѣ эпитеты: свѣтлый, горящій, красный, желтый. Такъ въ нѣм. нарѣчіяхъ эпитетъ золоту: красное: въ Эддѣ *gull gaut*, въ *Nibelung. geben rotez golt*, въ нашей народной поэзіи также: красно золото. Даже въ Санскритѣ корень *суш* значитъ только *agescere, siccari*: но, утраченное въ глаголь, первобытное, мифологическое значеніе сохранилось намъ въ скр. производномъ: *сушма* (-ма *суф.*, корень *суш*) въ смыслѣ *sol, ignis, lumen, splendor, vis, robur*. Слѣд. сухой, въ его мифологическомъ, древнѣйшемъ значеніи силы огня и солнца, какъ нельзя лучше могло быть эпитетомъ злату: чему соответствуетъ другой эпитетъ въ серб. пѣсняхъ: чистим серебромъ и *жежением* златомъ, Вук. 2. 217. Если это былъ исконный эпитетъ злату у Славянъ, то онъ былъ и у насъ: и вѣроятно этимъ эпитетомъ объясняется клятва: да будемъ золоти, т. е. изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня.

Бѣлое серебро. Въ Санскритѣ и этотъ эпитетъ и самый предметъ выражаются однимъ словомъ: *радхата*, откуда лат. *argentum*, гр. *ἀργυρος*, подобно Санскриту разделяющее свое значеніе и для предмета, и для эпитета: *ἀργός* свѣтлый, ясный, бѣлый. Славяне выразили свое сознаніе о первоначальномъ возрѣвѣніи эпитетомъ: бѣлый. Какъ быстрый, у Сербовъ: *бистар* значитъ *klar, limpidus*, и *бистрина* *klarheit, Nitritudo*, такъ и у Гомера *χύνες ἀργοί* не только бѣлыя

собаки, но быстрыя: ибо съ понятіемъ о свѣтъ соединяется представленіе о быстромъ впечатльнѣи, мгновенно поражающемъ зрѣніе. *) — Касательно производства слова серебро, въ О. Е. серебро, лит. *sidábras*, лтш. *ssudgrabs*, др. пр. *sigablan* (въ косв. пад.), гот. *silubr* — мнѣнія различны: Юнгманъ, слѣдуя Потту, сближаетъ его съ скр. *субра splendidus, albus*; отъ *суб splendere*; Миклошичъ, слѣдуя Бенфею, разлагаетъ его на два слова: скр. *свѣта бѣлый* и *абрас золото*. Оба мнѣнія сходятся покрайней мѣрѣ въ томъ, что понятіе о бѣлизнѣ заключается въ смыслѣ слова серебро. Производство Потта менѣе натянута. **)

Понятіе о свѣтъ заключается въ древнѣйшемъ славянскомъ наименованіи драгоценнаго камня: въ О. Е. бисѣрь *μαργαρίτης*. Добровскій замѣчаетъ объ этомъ словѣ только: *peregrina vox est.* ***) Но самостоятельное употребленіе его въ языкѣ Св. Писанія свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ его существованіи у Славянъ: у Ул. ему соответствуетъ грецизмъ: *magkreitus*. Наше бисѣрь употреблялось въ Санкритѣ въ формѣ прилагательнаго *б'асура lucidus, splendidus*, *б'асвара luminosus*, отъ глаг. *б'ас*, или съ краткимъ *а*:

*) Другое объясненіе см. въ *Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr.* herausg. v. Höfer, 1847, 1, 99.

**) *Etym.forsch.* 2, 414.

***) *inst. l. sl.* 295.